

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 108–114

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 108–114

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-108-114>, EDN: SGBRNB

Научная статья

УДК 821.161.1.09-1+929

Реализация традиционных образов сравнения компаративных тропов с диминутивными дендронимами в русской поэзии XIX–XXI веков

М. Г. Соколова

Тольяттинский государственный университет, Россия, 445020, г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14

Соколова Марина Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и лингвокриминалистики, msok71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0566-9905>

Аннотация. В статье рассматриваются традиционные образы сравнения, характеризующие диминутивные дендронимы в языке русской поэзии XIX–XXI вв., в аспекте соотношения «культурно-стереотипное (традиционное) – индивидуально-авторское». Проведенный анализ 725 фрагментов из русских поэтических произведений XIX–XXI вв. позволил выявить способы словообразования и состав диминутивных дендронимов, а также состав народно-поэтических, общепоэтических и индивидуально-авторских образов сравнения компаративных тропов, репрезентирующих данные диминутивы в качестве предметов сравнения: *девушка, любовное влечение, плакать (слёзы), печалиться, тосковать, плодородие, разлука, горькая, несчастная судьба, сиротство, золото, серебро, изумруд, дым, одежда, огонь, узор, сетчатое изделие, инфанты Веласкеса, горностайная шубка, ситец, верность*. Определены референционно-денотативные особенности соответствующих реалий, мотивирующие выбор образных ассоциаций: тонкий ствол, гибкие ветви, зубчатые, сердцевидные листья, цветущие деревья, плодовые деревья. Установлены способы индивидуализации стереотипных образов сравнения в русском поэтическом языке: включение в состав развернутой антропоморфной метафоры; обновление посредством окказиональных эпитетов; лексическое варьирование компонентов тропа. Выявлены устойчивые смысловые коннотации диминутивных дендронимов: «застенчивая», «робкая», «кроткая», «стройная», «высокая», «нежная», «кудри», «косы», «тонкий стан», «красота», «грудь», «пленять», «целомудрие», а также способы их репрезентации в поэтических контекстах: развернутые метафоры «осеннее увядание дерева – увядание женской красоты»; воспоминания лирического героя о близких людях; параллелизм образов *дерево – состояние человека*; устойчивые эпитеты (*плакучая, горькая*); особенности ситуации художественного текста. Результаты исследования позволяют углубить представления о динамике развития компаративных тропов с диминутивными дендронимами в русском поэтическом языке.

Ключевые слова: русская поэзия, С. А. Есенин, диминутив, дендроним, поэтический образ, тропы

Для цитирования: Соколова М. Г. Реализация традиционных образов сравнения компаративных тропов с диминутивными дендронимами в русской поэзии XIX–XXI веков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 108–114. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-108-114>, EDN: SGBRNB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Realization of traditional images of comparative tropes with diminutive dendronyms in the Russian poetry of the 19–21st centuries

M. G. Sokolova

Togliatti State University, 14 Belorusskaya St., Togliatti 445020, Russia

Marina G. Sokolova, msok71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0566-9905>

Abstract. The article examines the traditional images of comparison, characterizing diminutive dendronyms in the language of the Russian poetry of the 19–21st centuries, from the perspective of the relationship of 'cultural-stereotypical (traditional) – author's individual'. The analysis of 725 fragments from the Russian poetic works of the 19–21st centuries reveals the ways of word formation and the composition of diminutive dendronyms, as well as the composition of folk poetic, general poetic and individual author's images of comparative tropes representing these diminutives as subjects of comparison: girl; love attraction, longing; to cry (tears), to grieve, to yearn; fertility; separation; bitter, unhappy fate, orphanhood; gold, silver; emerald; smoke; clothing; fire; pattern, mesh product; infantas by Velasquez, ermine coat; calico; fidelity. The reference-denotative features of the corresponding realia, motivating the choice of figurative associations are determined: a thin trunk, flexible branches, serrated, heart-shaped leaves, flowering trees, fruit trees. The techniques that help make stereotypical images of comparison in the Russian poetic language individualized are established: the inclusion in the composition of an extended anthropomorphic metaphor; updating by means of occasional epithets, lexical variation of the components of the trope. The stable semantic connotations of diminutive dendronyms are singled out: 'shy', 'timid', 'meek', 'slender', 'tall', 'gentle', 'curls', 'braids', 'thin figure', 'beauty', 'breasts', 'captivate', 'innocence', as well as the ways of

their representation in poetic contexts: extended metaphors 'autumnal withering of a tree – withering of female beauty'; memories of the lyrical hero about close people; parallelism of the images of a tree and a human condition; conventional epithets (weeping, bitter); features of the situation of a literary text. The results of the study allow us to improve the understanding of how comparative tropes with diminutive dendronyms develop dynamically in the Russian poetic language.

Keywords: the Russian poetry, S. A. Yesenin, diminutive, dendronym, poetic image, tropes

For citation: Sokolova M. G. Realization of traditional images of comparative tropes with diminutive dendronyms in the Russian poetry of the 19–21st centuries. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 108–114 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-108-114>, EDN: SGBRNB

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Диминутивы как одну из ярких особенностей художественной речи разносторонне исследовали многие лингвисты. В многочисленных работах раскрываются особенности словообразования и структуры данных языковых единиц [1–3]; эмоционально-экспрессивная коннотация диминутивов [4–6]; рассматривается функционирование диминутивов в различных художественных идиостилиях и фольклорных текстах [7–13] и др. Между тем проблема изучения диминутивов, относящихся к определенным тематическим группам лексики, еще не получила детального освещения в отечественной русистике, что определяет актуальность предлагаемого исследования.

Сферой активного использования диминутивов, производных от наименований деревьев, является русская пейзажная лирика [14]. Настоящая работа выполнена в рамках разноаспектного описания дендронимов как компонентов компаративных тропов в русской поэзии XVIII–XX вв. [15–16]. Предмет данного исследования – образы сравнения, характеризующие диминутивные дендронимы в языке русской поэзии XIX–XXI вв., в аспекте соотношения «культурно-стереотипное (традиционное) – индивидуально-авторское», что позволит проследить семантическое своеобразие и способы авторской индивидуализации традиционных компаративных тропов. Под культурно-стереотипными образами сравнения понимаются ассоциации, закрепленные в русской фольклорной традиции, и устойчивые образные соответствия, получившие распространение в русской поэзии. Индивидуально-авторские образы сравнения представляют собой авторские трансформации уже существующих образных ассоциаций или создание новых словесных образов [15].

Целью статьи является определение особенностей реализации традиционных образов сравнения компаративных тропов с компонентами диминутивами-дендронимами в русской поэзии XIX–XXI вв.

Для исследования привлечены 725 фрагментов из русских поэтических произведений XIX–XXI вв., репрезентирующих диминутивные

дендронимы, извлеченные из Национального корпуса русского языка (поэтического подкорпуса) [17] (далее примеры будут приводиться по данному источнику).

При словообразовании дендронимов-диминутивов в поэтических произведениях используются следующие словообразовательные форманты: при образовании субстантивов 1 степени диминутивности – суффиксы *-к-* (*берёзка, вишенка, ёлочка, ивка, липка, осинка, ракатка, рябинка, сосенка, черёмушка, яблонька*), *-ок-/-ёк-* (*дубок, кленок, тополёк*), *-оньк-/-еньк-* (*берёзонька, грушенька*), *-очк-* (*вербочка*), *-ушк-* (*ивушка, калинушка, осинушка, рябинушка*), *-ц-* (*деревце*); 2 степени диминутивности – суффиксы *-к-* (*липка* → *липочка*), *-ек-* (*дубок* → *дубочек, кленок* → *кленочек*); при образовании окказиональных субстантивов – суффиксы *-ёнок-* (*тополёнок*), *-ек-* (*кленёнок* → *кленёночек*).

Анализируемый материал показал, что образы сравнения, характеризующие диминутивные дендронимы в поэтических контекстах, входят в состав парадигм образов сравнения, выделенных нами при комплексной характеристике образных полей дендронимов *тополь* и *клён* [15]. В связи с ограничениями в объеме статьи приведем лишь малую часть примеров: поведение человека (*Нет, нельзя рябинке / К дубу перебраться* (И. З. Суриков. *Рябина*, 1864); *Осинка лепечет* (Андрей Белый. «По полям, по кустам...», 1906); *Улыбки и извивы / у липки и у ивы* (А. Н. Николев (Егунов). «Брюхата парусами рея...», 1933–1936); *И плещутся юные липки* (Д. Л. Андреев. *Арашамф*, 1955); *Смотрит пристально берёзка* (Н. М. Рубцов. *Северная берёза*, 1957); *Деревце охорашивается* (М. Н. Айзенберг. «Деревце...», 2015)); части тела человека (*Были бы у ёлочку / Ножки, / Побежала бы она / По дорожке* (К. И. Чуковский. «Были бы у ёлочки ножки...», 1961)); предметы быта (*Словно венчик с сучками сухими / Встретишь липку* (А. И. Пальм. *Обоз*, 1847)); предметы гардероба (*В нашу русскую ёлочку / небогатый костюм* (Г. В. Иванов. «Строка за строкой. Тоска. Облака...», 1958)) и многие другие. Сказанное позволяет предположить, что образные поля различных дендронимов и

их диминутивных производных будут иметь аналогичную структуру. При этом по характеру и семантике образов сравнения, отражающих частные реализации обобщенных моделей (парадигм) формирования образных номинаций дендронимов, дендронимная диминутивная лексика имеет как общие черты, так и существенные отличия.

Охарактеризуем народно-поэтические образы сравнения в составе выделенных образных парадигм с диминутивом-дендронимом в качестве предмета сравнения. В перечислительном ряду указаны диминутивы, объединяемые общей образной ассоциацией.

1. **Берёзка, ёлочка, ивушка, калинушка, липка, рябинушка, яблонька – девушка (женщина).** По мнению А. А. Потебни, женская ассоциативность в народной поэзии закрепляется за многими деревьями, имеющими тонкий ствол, гибкие ветви [18]. Однако прежде всего данная ассоциация связана с образом берёзы, что обусловлено не только соответствующими объективными свойствами денотата, но и существовавшей обрядовой практикой с участием берёзы [19]. В русских поэтических контекстах диминутивные дендронимы в рамках параллелизма образов дерева и человека, а также компаративных тропов приобретают следующие устойчивые смысловые коннотации: «застенчивая», «робкая», «кроткая», «стройная», «высокая», «нежная», «кудри», «косы», «тонкий стан», «красота», «грудь», «пленять» и др.: Ты **рябинушка**, ты кудрявая, / В зеленом саду пред избой цветы, / Ты кудрявая, моложавая, / Белоснежный пух – кудри-цвет твои (П. А. Вяземский. Рябина, 1854); Ох, моя **калинушка**, / Гордая, зеленая, / Как ты пышно выросла, / Солнцем не спаленная. / Нежно ты румянишься / Под ночною зорькою / Но зачем ты славишься / Над осиной горькою? / Не гордись, не важничай, / Барыня-**калинушка** (Л. Н. Трфолев. Руснацкая песня, 1868); **Ивушка** зелененька – / Девушка молоденька. / Стали иву ломати – / Девку замуж отдавати (Н. А. Клюев. Ивушка зелененька, 1914); Зеленая прическа, / Девическая грудь. / О тонкая **берёзка**, / Что загляделась в пруд? (С. А. Есенин. «Зеленая прическа...», 1918); **Берёзки!** / Девушки-**берёзки!** / Их не любить лишь может тот, / Кто даже в ласковом подростковом / Предугадать не может плод (С. А. Есенин. Письмо к сестре, 1925); И я ведь тоже / Когда-то **яблонькой** цвела. / «Онегин, я тогда моложе / И лучше, кажется, была...» / У **яблоньки** засохли ветки, / И больше яблокам не зреть... (В. И. Лебедев-Кумач. Старая мать, 1941); Хоть и **берёзка**, а все-таки женщина, / И даже кудри красит она (И. В. Елагин. «Восклицанья вороны...», 1953–1963) и др.

В XX в. наблюдаются поэтические контексты, в которых берёзка и ёлочка наделяются признаком «целомудрие»: *моленьщица, монашка, беличка, белошвейка, черница: А под берёзами, как юные черницы, / Смирненно ёлочки зеленые стоят* (И. А. Бунин. Лесная дорога, 1902); **Берёзки** – бледные белички (Н. А. Клюев. «Набух, оттаял лед на речке...», 1912); *чахли монашки ёлочки* (И. Л. Сельвинский. Москва и касательные к ней, 1917–1925); *поодаль робкие моленьщицы – берёзки* (С. В. Петров. Иоанн Богослов на витке, 1957). Основанием сравнения с моленьщицей и беличкой является цветовая характеристика берёзки – «белая» (белый цвет в христианской традиции символизирует святость, чистоту и духовность [20]).

В поэтических текстах XXI в. диминутив ёлочка определяется посредством индивидуально-авторского образа сравнения *дети (инфанти Веласкеса)* и наделяется семантическими признаками «полудикость», «мрачность», «колкость», «косые взгляды», «брови», «чёлки» и др.: Ты мне **ёлочки** пышные хвалишь / Мимоходом, почти как детей. / Никогда на тропе не оставишь / Без вниманья их тёмных затей: / На ветру они машут ветвями / И, зелёные, в платях до пят / Выступают гуськом перед нами, / Как инфанти Веласкеса, в ряд (А. С. Кушнер. «Ты мне ёлочки пышные хвалишь...», 2000–2005).

2. **Берёзка – любовное влечение, томление.** В данном устойчивом фольклорном образном соответствии «дерево распускается, зеленеет – девушка распускается для любви» позицию предмета сравнения могут занимать также цветущие плодовые деревья, хвойные: *Помнишь, нежная берёзка, белый ствол ты выпрямляла, / Целовал я белизну. / Вот теперь надменно-стройной, гордой девушкой стала, / Я опять к тебе прильну. / Тонкий стан твой неустанен, и, любовью расцветая, / Ты зовешь в родной свой лес* (С. М. Городецкий. «Как узнал, что ты – она же, белоствольная, не знаю...», 1907); *Цветет весною деревце, а в сердце – милый друг...* (Е. И. Дмитриева. «Уж много кто разглядывал...», 1921); *Круглы сутки всё одна я. / Расстегну тугой свой лиф... / Яблонь, яблонька родная! / Мой малиновый налив!* (М. А. Кузмин. «У печурки самовары...». 1921); *И, утратив скромность, одуревши в доску, / Как жену чужую, обнимал берёзку* (С. А. Есенин. «Клён ты мой опавший, клён заледенелый...», 1925); *О, к кому теперь узнать приду / о берёзке в кумачевой блузке, / белым телом снящейся пруду?* (С. М. Рафальский. Сергею Есенину, 1926); *Рос на опушке рощи клён, / В берёзку был тот клён влюблен. / Берёзка к другу на плечо / Не раз склонялась горячо* (Я. З. Шведов. Рос на

опушке рощи клён, 1948); *И толкует о тайном сообществе дуб / С молодой белошвейкой-берёзкой* (С. И. Липкин. Воскресное утро в лесу, 1970); *Девочки-ёлочки грубо мечтают о сексе, / сон они видят все вместе: / к ним поспешает лошадка, везущая дровеньки, / в дровеньках дядька с топориком* (Н. Байтов. «Эрос еловый разводит сырость во мраке...», 2009).

К индивидуально-авторским образам сравнения, репрезентирующим рассматриваемую ассоциацию, следует отнести **берёзка – верность**: *Её к земле сгибает ливень / Почти нагую, а она / Рванётся, глянет молчаливо, – / И дождь уймётся у окна. / И в непроглядный зимний вечер, / В победу веря наперёд, / Её буран берёт за плечи, / За руки белые берёт. / Но, тонкую, её ломая, / Из силы выбьются... Она, / Видать, характером прямая, / Кому-то третьему верна* (С. П. Щипачев. Берёзка, 1937).

3. **Берёзка (берёзонька), калинушка, рябиனுшка (рябинка) – разлука**: *Нет, нельзя рябинке / К дубу перебраться! / Знать, мне, сиротинке, / Век одной качаться* (И. З. Суриков. Рябина, 1864); *За окном гармоника и сиянье месяца. / Только знаю – милая никогда не встретится. / Эх, любовь-калинушка, кровь – заря вишневая* (С. А. Есенин. Песня, 1925); *Под тобою ли, берёзонькой / Стоит себе скамья. / Ах, на той ли на скамейке / Меня милый целовал, / Называл меня «берёзкой», / Ненаглядной называл. / Как то лето пролетело? / Как очнулась я от сна? / Как на этой на скамейке / Я осталась одна?* (И. Л. Сельвинский. Берёза, 1934).

4. **Берёзка, ивушка, калинушка, осинушка (осинка), рябиனுшка – плакать (слёзы), печалиться, тосковать**. Семантические признаки «печалиться», «тосковать» получают реализацию в контексте развернутой метафоры «осеннее увядание дерева – увядание женской красоты»: *Ах, царевны! Что же с вами случилось? / Сыплется короной золотой. / Вы пленяли красотой неброской, / Что милей заморской красоты, / А теперь печалитесь, берёзки* (И. Л. Сельвинский. Осень, 1962); в контекстах воспоминаний лирического героя о близких людях: *И только я дружу с берёзкой одинокой, / тоскую с ней весеннюю порой: / она мне кажется сестрой / возлюбленной далёкой* (В. В. Набоков. Берёза в воронцовском парке, 1918); в рамках параллелизма образов *дерево – состояние человека*: *И берёзка эта знает, / Знает боль, тоску. / Тихо ты поцеловала / Ей серебристую кору. / И берёзка задрожала, / Словно ранена была* (Л. Д. Семенов. «И берёзка эта знает...», 1907); *Ослобони меня! / Хану – рабынюшка! В роще обидонька / Плачет рябиனுшкой* (М. И. Цветаева. «Не растеклась

еще...», 1922); актуализируют устойчивый эпитет в сочетании «плачущая ива»: *Ночью в саду у меня / Плачет плачущая ива, / И безутешна она, / Ивушка, грустная ива* (А. А. Блок. «Ночью в саду у меня...», 1915).

5. **Берёзка, ёлочка, калинушка, осинка (осинушка), сосенка – горькая, несчастная судьба, сиротство**. Обозначенная семантика актуализируется на основе переносного значения постоянного эпитета «горькая»: *Эх ты, доля моя, / Доля-сиротинка! / Что польнь ты трава, / Горькая осинка* (И. З. Суриков. «Сиротой я росла...», 1867); *Листья на осинушке / Трепетно колышутся. / В этом робком трепете / Голоса мне слышатся: / «Да, мы листья горькие, / Но зато здоровые; / Вынесем безропотно / Наши дни суровые»* (Л. Н. Трефолов. Руснацкая песня, 1868); в ситуациях художественного текста, изображающих нежелательный брак, жизненные испытания, обособленное место произрастания: *Я ли в поле не калинушка была, / Я ли в поле да не красная росла; / Взяли калинушку поломали / И в жгутики меня посвязали. / Ох ты, горе мое, горюшко! / Знать, такая моя долюшка!* (И. З. Суриков. Малороссийская песня, 1870); *Две берёзки, сиротки-сестры, / Обнимаясь, делят печаль* (Е. Н. Недельская. Из окна поезда, 1940–1945); *Ёлочка-сиротка, / Разубралась / В зори чистые, / В снега белые* (В. А. Луговской. Колыбельная с черными галками, 1956); *Три сосенки – три граци, / что три казанских сироты* (В. А. Соснора. «И все озера красные...», 1960–1962); *Даром во бору упала / ель-сосна, недаром стала / тетя Оля попивать. / Говорю ей: – Бог накажет, – / А она рукою машет: / – Тут страдаем, там страдать? / Оля, Оля, тетя Оля, / ёлочка в холодном поле, / прозябала у реки* (О. Г. Чухонцев. Свои, 1982).

6. **Яблонька – плодородие**. Основанием данного образа сравнения является признак соответствующего денотата «приносить плоды», а также включенность в свадебные и аграрные обрядовые действия [21]: *Ах, ты яблонька моя грунтовая! / Уж не тронь ты меня, горемычной! / Что ни год ты пышно расцветаешь, / Что ни год несешь ты плод румяный; / От меня одной краса уходит, / От меня одной плода не уродится* (А. Н. Майков. Недогадливый, 1860).

Далее представим состав общепозитических традиционных для русской поэзии XIX–XX вв. образов сравнения, характеризующих диминутивные дендронимы (в связи с большим объемом исследуемого материала отметим парадигмы, включающие наибольшее количество образов сравнения).

1. **Берёзка, осинка – золото, серебро; берёзка, липка – изумруд**. Данные образные

ассоциации восходят к общепозитическим парадигмам образов: *дерево – золото, серебро; листья – изумруд* [22], передающим цветовое восприятие деревьев. В поэтических контекстах реализуются в рамках устойчивых эпитетов и метафор: *Заигрывало солнце / С берёзкой золотой* (В. И. Иванов. Утро, 1906); *Застенчивая липка / Платочком машет изумрудным* (В. В. Набоков. «Плывут поля, болота мимо...», 1917); *Пегие берёзки в золотой боли* (И. Л. Сельвинский. «Лиловые тучи. Серое поле...», 1924); *Берёзки по тебе, толкаясь и смеясь, / Бегут, вершинками на солнце золотясь / И серебром стволов в тени ветвей белея* (И. Н. Бушман. «Ты названа не зря берёзовой аллеей...», 1953).

К способам авторской индивидуализации поэтического стереотипного образа *дерево – золото* следует отнести включение его в состав развернутой антропоморфной метафоры: *В кудрявой зелени (у ней!) блеснула / Большая золотая прядь. / О жуткий блеск седин! Он только снится, / Но желтый образ тот неотразим – / к нему / Берёзка никнет, в зеркало глядится* (М. А. Зенкевич. Золотая прядь, 1944).

2. **Берёзка – дым.** Образ сравнения является частной реализацией традиционной для русской поэзии парадигмы *зелень листвы (весенний цвет) – дым*. При характеристике диминутивных дендронимов данная поэтическая формула получает обновление посредством окказиональных эпитетов (*зеленокудрый*), ярких метафор: *И белая берёзка / курилась благовожно* (К. Бальмонт. Подснежник, 1914); *Кольцо берёзок кротких / Под облаком седым / Роняет с веток четких / Зеленокудрый дым* (Саша Черный. В Булонском лесу, 1930); *Люблю бродить по лужам средь берёзок, / Чтобы увидеть, как зеленым дымом / Выстреливает молодая почка* (И. Л. Сельвинский. «Да, молодость прошла. Хоть я весной...», 1954).

3. **Берёзка, ивушка (ивка), липочка, осинка, рябинушка, сосенка, яблонька – кудри.** Представленные образы сравнения входят в состав общепозитической парадигмы *листья – кудри*. Рассматриваемый материал показал, что наиболее часто эпитет *кудрявый*, метафорический образ «кудри» повторяется в поэтических контекстах для изображения формы листьев и кроны берёзки (народно-поэтическая традиция также закрепила эпитет «кудрявый» за берёзой), однако в качестве предмета сравнения могут выступать и другие диминутивы, обозначающие растения с гибкими ветвями или зубчатыми, сердцевидными листьями, а также диминутив *сосенка*: *Не липочка кудрявая / Кольшется ветром* (А. Ф. Мерзляков. «Не липочка кудрявая...», 1805–1810); *Ты рябинушка, ты кудрявая, / В зеленом саду пред избой*

цвети, / Ты кудрявая, моложавая (П. А. Вяземский. Рябина, 1854); *Под яблонькой кудрявою / Прощались мы с тобой* (И. Ф. Анненский. «Под яблонькой, под вишнею...», 1880–1909); *Ни сосенки кудрявые, / Ни ивки близ него* (А. Ф. Мерзляков. «Среди долины ровныя...», 1810); *Эй, берёзки – девушки кудрявые, / Познакомьтесь с нами, комсомольцами!* (Н. А. Кузнецов. «Мы идем тропинкой между травами...», 1923); *В шалаше из ветвистых, и кудрявых, и легких, / Темно-синих осинок* (И. М. Ливертовский. Поэзия, 1940–1943).

4. **Берёзка, вишенка, ёлочка, липка, яблонька – одежда, ткань, материал.** Образы сравнения относятся к общепозитической парадигме *листья – одежда*. Обозначенная схема семантического переноса варьируется повторяющимися и индивидуально-авторскими образами сравнения (*платье, костюм, наряд, платочек, горностайная шубка, ситец, кисейный* и др.): *Застенчивая липка / Платочком машет изумрудным* (В. В. Набоков. «Плывут поля, болота мимо...», 1917); *Светлея весенним нарядом, / Раствут молодые дубки* (М. А. Зенкевич. Дуб, 1919); *берёзки парами, кисейные, гуляют* (А. Н. Николаев (Егунин). «По ветру сердце треплется, как флаг...», 1929–1938); *берёзка в горностайной шубке* (Н. А. Клюев. «Кому бы сказку рассказать...», 1932–1933).

Следует отметить, что образ сравнения «берёзовый ситец», введенный С. А. Есениным, получает дальнейшее развитие в контексте антитезы «патриархальная деревня – индустриализация и электрификация»: *Не в ситце берёзок, / Не в русском овсе / на старокалужском насте, – / Грядущее видим / На светлом шоссе / Электриков-энтузиастов* (И. П. Уткин. Перед картой электрификации, 1930).

5. **Берёзка, деревце, ивка, осинка – огонь.** Даная парадигма включает образы сравнения, повторяющиеся у разных поэтов при описании многих деревьев. Специфика реализации данной ассоциации, связанная с дендронимами *берёзка* и *ивка*, заключается в устойчивом воспроизведении образа сравнения – *горящая свеча*, в то время как другие диминутивы характеризуются традиционными лексическими вариантами, репрезентирующими данный образ сравнения, – *гореть, пламенные*: *И берёзки – свечи брачные / Теплят листьяв огоньки* (Н. А. Клюев. «Пашни буры, межи зелены...», 1914); *около церкви берёзка, / точно свеча / белого воска, / неугасимо горит* (Е. И. Дмитриева. «Около церкви берёзка...», 1922); *Деревца горят в оконных рамах, / Как пирамидальные костры* (И. В. Елагин. «Деревца горят в оконных рамах...», 1953–1963); *берёзки светятся / над ней во мгле, / как свечки робкие,*

/ землей поставленные / за настрадавшихся на земле (Е. А. Евтушенко. Ярмарка в Симбирске, 1965); *Ивка стоит надо мной со свечою, / С пальцев соскальзывают колечки* (О. А. Юрьев. Переход границы, 1993).

б. *Берёзка, дубок, осинка – узор, сетчатое изделие*. Данное образное соответствие реализует общепозитические парадигмы образов *листья – узор, листья – кружева/вуаль/сеть: Осинка – кружев узорней* (Андрей Белый. «По полям, по кустам...», 1906); *Вдали дубки качает, как скорлупки, / Завернутые в мутную вуаль* (В. П. Катаев. «От ветра море зелено. Как иней...», 1916); *И под берёзкой кружевною* (Андрей Белый. Первое свидание, 1921).

Подведем итоги. Образная репрезентация диминутивов-дендронимов в русской поэзии XIX–XXI вв. определяется народно-поэтической, общепозитической традицией, а также индивидуально-авторским ассоциативным мышлением. Многие диминутивы-дендронимы характеризуются общими народно-поэтическими и общепозитическими образами сравнения, что определяется, как правило, аналогичными референционно-денотативными особенностями соответствующих реалий: тонкий ствол, гибкие ветви, зубчатые, сердцевидные листья, цветущие, плодовые деревья.

Среди народно-поэтических образов сравнения в русской поэзии при характеристике диминутивных дендронимов используются: *девушка; любовное влечение, томление; плакать (слёзы), печалиться, тосковать; плодородие; разлука; горькая, несчастная судьба, сиротство*. К общепозитическим образам сравнения отнесены ассоциативные соответствия, восходящие к традиционным парадигмам образов: *золото, серебро; изумруд; дым; одежда, ткань, материал; огонь; узор, сетчатое изделие*. Способами авторской индивидуализации стереотипных образов сравнения являются: включение в состав развернутой антропоморфной метафоры; обновление посредством окказиональных эпитетов; лексическое варьирование компонентов тропа.

В русских поэтических контекстах диминутивные дендронимы приобретают следующие устойчивые смысловые коннотации: «застенчивая», «робкая», «кроткая», «стройная», «высокая», «нежная», «кудри», «косы», «тонкий стан», «красота», «грудь», «пленять», «целомудрие» и др. Семантика выделенных устойчивых образов сравнения реализуется в контексте: развернутой метафоры «осеннее увядание дерева – увядание женской красоты»; воспоминаний лирического героя о близких людях; в рамках параллелизма образов *дерево – состояние человека; устойчи-*

вых эпитетов (плакучая, горькая); в ситуациях художественного текста, изображающих вступление в нежелательный брак, жизненные испытания, обособленное место произрастания.

Индивидуально-авторские образы сравнения определяют диминутивы *берёзка, ёлочка; инфанты Веласкеса, горностайная шубка, ситец, верность* и др. В поэтических контекстах получает развитие ассоциация С. А. Есенина «березовый ситец».

Список литературы

1. Резанова З. И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1996. 219 с.
2. Свободова Й. Дериационные и стилистические особенности русских диминутивов (на материале автобиографической трилогии М. Горького) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1992. 22 с.
3. Спиридонова Н. Ф. Русские диминутивы: проблемы образования и значения // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58, № 2. С. 13–22.
4. Петрова З. Ю., Виноградова В. Н. Структура и употребление диминутивов в разных функциональных стилях // Деминутивы в славянских языках: форма и роль. Praha : Zora, 2015. С. 412–426.
5. Иवानя Е. П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс : учеб. пособие. 4-е изд., стер. М. : Флинта, 2022. 121 с.
6. Фуфаева И. В. Экспрессивные диминутивы в условиях конкуренции с нейтральными существительными (на материале русского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 28 с.
7. Аникин В. П. Устное народное творчество : учебник 4-е изд., перераб. и доп. М. : Академия, 2011. 752 с.
8. Ваффа Э. Особенности диминутивных образований в повести В. Распутина «Прощание с Матерой» // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2016. Т. 272, № 3. С. 158–161.
9. Воронина Л. П. Экспрессивные смыслы диминутивов в текстах В. М. Шукшина // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 5–10. <https://doi.org/10.17223/15617793/408/1>
10. Иवानя Е. П. Диминутивы в сказах П. Бажова // С любовью к Слову : сб. ст. Всерос. с междунар. участием науч. конф., 09–10 февраля 2021 г. / отв. ред. О. В. Никифорова. Арзамас : Арзамасский филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского», 2021. С. 112–116.
11. Климкова Л. А. Деминутивы в русских народных сказках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (42) : в 3 ч. Ч. 1. С. 92–96.
12. Свешникова Н. В. Специфика функционирования диминутивов в русских народных говорах (на материале существительных, включающих суффиксы с элементом -к) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1992. 19 с.

13. Шмелева Т. В. Диминутив в псковских говорах: деривационная техника, семантика и экспрессивный потенциал // Псковские говоры и их исследователи (к 100-летию со дня рождения С. М. Глускиной и 50-летию выхода 1 выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными») : в 2 ч. Ч. 1 / под ред. Н. В. Большаковой, Л. Я. Костючук. Псков : Логос, 2017. С. 313–321.
14. Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М. : Высшая школа, 1990. 304 с.
15. Соколова М. Г. Эволюция конститuentов образных полей дендронимов в русской поэзии XVIII–XX веков: системно-функциональный подход. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2020. 184 с.
16. Соколова М. Г. Логико-структурный и динамический аспекты изучения семантики дендронима *тополь* в русской лирике XVIII–XX веков // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 71. С. 152–169. <https://doi.org/10.17223/19986645/71/9>
17. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.08.2022).
18. Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. СПб. : Лань, 2013. 244 с.
19. Пазынин В. В. Образы деревьев в русской народной лирике: К проблеме ассоциативного наполнения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 25 с.
20. Цветовые символы христианства. URL: <https://mikhailkevich.narod.ru/kyrs/Cvetovedenie/christ.htm> (дата обращения: 03.08.2022).
21. Агапкина Т. А. Деревья в славянской народной традиции: Очерки. М. : Индрик, 2019. 656 с. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).
22. Павлович Н. В. Язык образов: парадигмы образов в русском поэтическом языке. 2-е изд., испр. и доп. М. : Азбуковник, 2004. 528 с.

Поступила в редакцию 27.11.2022; одобрена после рецензирования 24.12.2022; принята к публикации 30.01.2023
The article was submitted 27.11.2022; approved after reviewing 24.12.2022; accepted for publication 30.01.2023